

СУЩНОСТЬ ГРИГОРИАНСКОГО РАСКОЛА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ II ЧЕТВЕРТИ XX в. В ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ 1930–2010-х гг.: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анализируется отечественная и зарубежная историография 1930–2010-х гг., посвященная истории Русской православной церкви и церковным расколам II четверти XX в. Особое внимание акцентируется на проблемах терминологического характера, связанных с идентификацией церковных течений. С помощью отличительных признаков формулируются определения тихоновцев (староцерковников), обновленцев, сергиевцев, григорианцев, что позволяет выделить григорианский раскол в автономную деноминацию.

Ключевые слова: историография; Русская православная церковь; внутрицерковная борьба; тихоновская церковь; григорианский раскол.

При изучении исторического феномена первоначальным и приоритетным является определение базовых понятий и терминов. Не составляют исключение внутрицерковные проблемы II четверти XX в., к числу которых относится григорианский раскол. Эволюция названия отдельного церковного образования связана с развитием устного и письменного дискурсов в новых нестабильных исторических условиях. Так, адепты того или иного церковного течения в рамках своей общности стали пользоваться определенной системой речевого общения с целью обособления себя от конкурирующего направления, что в большой степени проявлялось в лично-бытовом позиционировании. Постепенно это зафиксировалось в церковном делопроизводстве, затем укоренилось в советском документообороте, вскоре найдя отражение в историографии проблемы без определения четких правил, регламентирующих употребление и написание названий православных формаций 1920–1930-х гг. Как следствие, основные терминологические проблемы, связанные с изучением историками григорианского раскола и других церковных течений, представляют собой актуальный предмет исследования и требуют всестороннего раскрытия.

Первый блок терминологических проблем связан с названиями церковных группировок, образовавшихся в первые десятилетия советской власти. Одна из работ, где делается попытка терминологически определить эти образования, – работа историка 1930-х гг. А. Долотова. Как современник церковных разногласий он дает собственную характеристику обновленческого и тихоновского движений. По его мнению, «в среде духовенства возникло новое движение, так называемая “живая церковь”, или “обновленчество”, вставшее на путь признания советской власти и ее законов». Обновленцам он противопоставляет реакционную и враждебно настроенную часть сибирского духовенства – тихоновцев. Приверженцев патриарха Тихона (Белавина) историк именует староцерковниками, используя этот термин как синоним тихоновцев. Разделяя тихоновцев (староцерковников) на группы, к первой автор относит «часть епископата во главе со Свердловским епископом Григорием», которая пошла «на путь признания советской власти, образовав новое тихоновское течение, так называемое григорьевское». Во вторую ученый включает «часть попов-тихоновцев во главе с заменившим Тихона Сергием»,

которая «в отношении признания советской власти пошла дальше григорьевцев и даже стала молиться в церквях за власть», получив название «сергиевцы». Тихоновские приходы, не пожелавшие подчиниться ни одному из епархиальных управлений и породившие группу самоуправляющихся церквей, он называет автокефалистами [1. С. 33, 37].

Появление григорианцев церковный историк 1960-х гг. митрополит И. (Снычев) оценивает «как дробление тихоновщины, как распад единства тихоновской иерархии», характеризуя их как группу епископов, образовавших ВВЦС, не признавших канонической власти патриарших местоблюстителей, восхитивших права первоиерарха. Иначе теолог интерпретирует понятие «староцерковники», применяя его для обозначения григорианцев. В процессе легализации органа григорианского объединения – ВВЦС – за ними сохранилось «именование староцерковнического» [2. С. 11, 64].

Говоря о сосуществовании обновленцев и тихоновцев, историк 1960-х гг. В.М. Ушаков ко вторым относит духовенство, сплотившееся вокруг патриарха Тихона (Белавина) и противопоставляющее себя радикально настроенным обновленцам, потерявшим влияние, «когда тихоновцы встали на путь признания Советской власти» и провозгласили лояльное отношение к последней. В отдельную тихоновскую группу историк выделяет сторонников митрополита Сергия (Страгородского) и образованного им Синода – иерархов, убежденных «в необходимости нормализации отношений с рабоче-крестьянской властью». Такие расколы, как «григорианский, иосифлянский, викторианский, даниловский и другие, которые возглавили видные иерархи, недовольные политикой митрополита Сергия в отношении Советской власти», ученый считает ответвлениями в тихоновской церкви [3. С. 48–49].

О распаде единого лагеря староцерковников, в котором «отчетливо выделились три противоборствующие друг другу силы: ВВЦС во главе с архиепископом Григорием, митрополит Сергий со своим Синодом и Иерархи-автокефалисты, не примыкавшие ни к ВВЦС, ни к митрополиту Сергию», пишет историк 1970-х гг. А.А. Шишкин. Анализируя «междоусобную борьбу староцерковников», исследователь поднимает вопрос о соотношении социальных слоев населения с церковными силами. По его мнению, «основная масса верующих трудовых слоев населения, шедшая за ста-

роцерковниками – «хранителями не поверженного православия»», перешла на сторону митрополита Сергия (Страгородского). К числу адептов реакционных тихоновских иерархов (ВВЦС и автокефалистов) ученый относит «приверженцев старого строя»: кулаков, бывших торговцев и старую интеллигенцию, выступавших против обновленцев и сергиевцев как изменников православия и прислужников советской власти. Название «староцерковники» ученый использует как синоним тихоновцев, включая в него сергиевцев и григорианцев [4. С. 305, 313–314].

Об оформлении в лоне «ортодоксальной РПЦ» двух оппозиционных направлений, «сергианского и тихоновского», говорит историк 1990-х гг. В.А. Алексеев. В первую группу ученый включает верующих и духовенство, близких по духу к митрополиту Сергию (Страгородскому), ко вторым относит течения в РПЦ со стороны «традиционалистов-консерваторов». Григорианцев, объявивших о создании «синода церкви истинных последователей патриарха Тихона» и имевших «определенную опору среди... “бывших людей” – служащих старого административного аппарата, мелкой буржуазии», автор относит «к числу других оппозиционных тихоновцам церковных структур», называя их «григорьевцы». Руководство ВВЦС во главе с архиепископом Григорием (Яцковским) историк именует староцерковниками, выступившими против деятельности «последователей Тихона-Сергия и обновленцев». Так же как И. (Снычев), В.А. Алексеев обозначил проблему идентификации григорианцев и отнесения их к церковно-групповой принадлежности, разделив «ортодоксальное православие» на сергианское, тихоновское и староцерковное, придав им разные значения [5. С. 182–183, 261–262].

Отдельно следует выделить понятия, касающиеся персонализации и локализации григорианского раскола. Церковный историк протоиерей В. Цыпин феномен григорианства олицетворяет не только с именем архиепископа Григория (Яцковского), но и с именем другого деятеля – епископа Бориса (Рукина), влияние которого «среди единомышленников было настолько значительно, что по-другому этот раскол называли борисовщиной, особенно в Москве». Таким образом, В. Цыпин стал одним из первых, кто применил для обозначения григорианства новый термин, связанный с территориальной принадлежностью и именем другого духовного лидера этого явления. При этом ученый подтверждает принадлежность григорианцев к лагерю тихоновской церкви, которые «вероятно, искренне заявляли о своей верности заветам патриарха Тихона» [6. С. 140, 205].

Отличительной чертой диссертации М.Ю. Хрусталева является наличие нового понятия – «сибирский (томский) раскол», связанного с именем и деятельностью томского архиепископа Димитрия (Беликова), впоследствии примкнувшего к григорианским рядам. Историк не трактует содержание этого феномена, а лишь оговаривает факт его существования, в то же время употребляя его отдельно от «григорьевского (ВВЦС) раскола» [7].

Интерес представляют понятия, говорящие о *политико-церковной деятельности лидера сергиевского*

течения. Наряду с делением тихоновской (староцерковной) церкви на автономные группы А.А. Шишкин прибегает к наименованию «новообновленцы». По его мнению, Декларация митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г. «явилась водоразделом между двумя группами староцерковников», первую из которых он именует «реакционерами», а вторую – «новообновленцами во главе с митрополитом Сергием (Страгородским), трезво оценившими ход общественного и политического развития жизни нашей страны» [4. С. 310].

Историки постсоветского пространства В.А. Алексеев и В. Котт также обратятся к термину «новообновленцы», проведя аналогию появления этого названия с изданием Декларации митрополита Сергия (Страгородского) [5. С. 182] и «недолжным и перешедшим границы сотрудничество с безбожной властью» последнего [8. С. 144]. В иной интерпретации понятие «новообновленцы» использует Н.В. Расова, именуя последователей митрополита Сергия (Страгородского) «обновленцами-сергиевцами» [9. С. 148–149].

Затрагивая в своих публикациях вопрос о противостоянии оппозиционных друг другу церковных течений, историк 1990-х гг. О.Ю. Васильева пользуется понятиями, введенными историками прошлого периода. Исследователь соглашается с содержательной стороной названий церковных групп. К обновленцам ученый относит «демократическое, прогрессивное духовенство», а к тихоновцам – «реакционное духовенство» [10. С. 117, 119, 120]. В стан григорианцев, как отщепенцев тихоновского блока, историк включает группу иерархов во главе с архиепископом Григорием (Яцковским), организовавших ВВЦС и выступивших против митрополита Сергия (Страгородского) [11. С. 49].

Второй блок терминологических проблем связан с использованием *политико-партийной градации церковных течений: левые и правые*, примененной И. (Снычевым) для характеристики оппонентов митрополита Сергия (Страгородского). По его мнению, с момента вступления последнего на арену церковной жизни «всплыло новое, так называемое правое иерархическое течение, возглавляемое архиепископом Свердловским Григорием (Яцковским). Образовался григорианский Синод ВВЦС. Это был первый клин, вбиваемый в церковный организм с правой стороны» [2. С. 11]. Подобно И. (Снычеву), исследователь 1980-х гг. И.Д. Эйнгорн сторонниками «крайне правого крыла тихоновской церкви» и одновременно противниками сергиевцев называет григорианцев [12. С. 121].

Проблему противостояния, начавшегося с момента избрания патриарха Тихона (Белавина), которому «пришлось иметь дело с оппозицией как справа, так и слева», исследует канадский профессор 1990-х гг. Д.В. Поспеловский. По его мнению, правая оппозиция «была более пассивной», а «левая, поддерживаемая ЧК, а позднее ГПУ, заинтересованными в том, чтобы взорвать церковь изнутри, дала о себе знать весьма печально для судьбы церкви в 1920-х годах в качестве живогоцерковников-обновленцев» [13. С. 43, 45, 49]. Григорианский раскол историк относит «к расколам слева» наряду с украинскими и обновленческим. Вопросам григорианства как новому расколу среди тихоновцев ученый отводит незначительное место, мотивируя тем, что «проблемы

Украины требуют специального рассмотрения, григорьевский же раскол, казавшийся после смерти Тихона потенциально очень опасным, в действительности был очень кратковременным» [14. С. 87].

Распределение церковных сил, схожее с позициями Д.В. Поспеловского, предлагает польский историк Я.Е. Замойски. К «приспособленческим, сервиллистским, раболепствующим» толкам исследователь относит живую церковь, обновленчество, григорианство, а оппозицию Даниловского монастыря, иосифлянство, катакомбное движение непоминающих считает «охранительными и консервативными» [15. С. 47].

Российский ученый С. Фирсов церковный организм делит на два оппозиционных блока: левых (обновленцев) и правых (тихоновцев). К числу последних, которые параллельно именуется староцерковниками, исследователь относит сторонников митрополита Сергия (Страгородского) и другие «расколы справа» [16].

Третий блок терминологических проблем связан с обозначением признаков церковного течения согласно составу и административному управлению таковых. С помощью «схемы административного управления православных религиозных течений: обновленцев, сергиевцев и григорьевцев» А. Долотов обозначает высший орган управления течения и выстраивает вертикаль власти, тем самым вводя в научный кругозор отличительные особенности каждого церковного течения. В качестве высшего органа управления сергиевцев историк называет «патриарха Сергия» и образованный им Синод, которому на локальном уровне подчинялись епископы и епархиальные советы. Главными органами управления обновленцев автор считает «Синод обновленческой церкви» и «Сибирское областное церковное управление», базирующееся в Новосибирске. Последнему подчинялись «Окружные епархиальные управления», ведающие приходскими делами на местах. Автокефалисты объединяющего центра не имели, их приходы были рассеяны по Сибири и никому подчиняться не хотели. В данной схеме А. Долотов допускает путаницу в названии григорианских органов управления, именуя главный «Временным церковным управлением или кратко ВВЦУ», а местный – «Сибирским управлением». Такое название и аббревиатуру высшего церковного органа, как покажут более поздние изыскания, использовали в первые годы своего существования обновленцы. Что касается названия регионального органа управления григорианцев – «Сибирское областное церковное управление», то его историк приписывает обновленцам, тем самым выпуская из виду достоверное наименование регионального органа управления обновленцев [1. С. 35].

Нововведением являются термины «Московская патриархия» и «патриаршая церковь». Согласно изысканиям историка 1960-х гг. И. Михалева, «Московская патриархия есть не что иное, как объединенная группа епископов, примкнувшая к управлению заместителя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) и избравшая курс «соглашательства с властью» [17. С. 28]. В.А. Алексеев в качестве церковного органа управления сергиевцев также называет Московскую патриархию [5. С. 183–188].

Русскую православную церковь, которую с одной стороны, теснило обновленчество, а с другой – григорианство, викторианство и иосифлянство, И. (Снычев) называет патриаршей церковью и олицетворяет с управлением заместителем местоблюстителя патриаршего престола [2. С. 11–12]. К аналогичному мнению приходит О.Ю. Васильева, ассоциируя Русскую православную церковь с патриаршей церковью [10. С. 118, 125]. При этом для определения института патриарха, патриарших местоблюстителей и их заместителей историк наряду с понятием «патриаршая церковь» использует понятие «Московская патриархия» [11. С. 47, 48, 52, 53]. Вместе с тем М.Ю. Хрусталев к патриаршей церкви относит тихоновские (староцерковные) течения и Московскую патриархию во главе с митрополитом Сергием (Страгородским) [7]. Для обозначения сергиевской группы С. Фирсов использует ранее иллюстрируемые понятия-синонимы «Московская патриархия» и «патриаршая церковь» [16].

В статье церковного историка протоиерея П. Бубнова [18] анализируются вопросы трансформации понятия «Российская церковь» в «Русскую церковь» с периода деятельности Поместного собора 1917–1918 гг. до избрания патриарха в 1943 г. Согласно его исследованиям официальное наименование «Православная Российская Церковь», принятое в синодальную эпоху и подтвержденное Поместным Собором 1917–1918 гг., было изменено на «Русская Православная Церковь» в годы управления митрополита Сергия (Страгородского). Этот процесс происходил в 1926–1941 гг., и главной причиной такой реформы было стремление дистанцироваться от обновленцев, главный орган которых именовался «Священный Синод Православной Российской Церкви».

Кроме этого, П. Бубнов [18] акцентирует свое внимание на проблеме появления термина «Московская патриархия», напрямую связывая это с церковной деятельностью митрополита Сергия (Страгородского) в должности заместителя местоблюстителя патриаршего престола. В своей статье исследователь отмечает тот факт, что в «Проекте обращения к православным архипастырям и пастырям митрополита Сергия (Страгородского)» (первоначальный вариант Декларации 1927 г.) автором использовались термины «Московский патриархат» и «Русская Церковь». Далее историк оговаривает, что «в это же самое время другие иерархи, начиная с патриаршего местоблюстителя митрополита Петра, участвовавшие в переписке по вопросу о преемстве высшей церковной власти, по-прежнему использовали “русскую” терминологию, и никто из них – “русскую” терминологию митрополита Сергия, который, в свою очередь, как показывает анализ исходивших от него документов, совершенно не пользовался терминологией старой». Процесс изменения терминологической базы напрямую связан с желанием будущего патриарха Сергия (Страгородского) дистанцироваться не только от обновленцев, но и от других формирований тихоновского блока, в число которого входило григорианское течение.

Итак, отечественные и зарубежные историки 1930–2010-х гг. терминологические проблемы григорианского раскола как самостоятельную тему не изу-

чали. Данный вопрос они исследовали совместно с анализом церковных расколов II четверти XX в. в контексте трех блоков, связанных с названием церковных группировок, политико-партийной градацией церковных течений: левые и правые, обозначением признаков и характеристик церковного течения согласно составу и административному управлению таковых. В научно-историческом дискурсе закрепился принцип деления РПЦ на два оппозиционных лагеря: обновленческий (синодальный) и тихоновский (староцерковный), последний из которых раздробился на три ветви: григорьевцы (григорианцы), сергиевцы (серианцы) и разного рода автокефалисты. К отличительным признакам, с помощью которых идентифицировали церковное течение, историки отнесли имена иерархов, выступавших в качестве духовных лидеров, церковный орган управления, социальный состав блока согласно их политической ориентированности в отношении государства, территорию дислокации и политико-церковную деятельность.

Благодаря отличительным признакам обозначились следующие определения церковных группировок. *Тихоновцы (староцерковники)* – приверженцы взглядов и политики патриарха Тихона (Беламина), оставшиеся верными ему после раскола в 1922 г. Церкви на два лагеря: патриарший и синодальный. *Обновленцы (живоцерковники)* – сторонники церковных взглядов и политики революционно и демократически настроенного духовенства, выступавшие против церковной деятельности патриарха Тихона (Беламина), местоблюстителей патриаршего престола и их заместителей, поддерживающие религиозные реформы Советского государства и давшие начало реформаторскому направлению в виде легализованного Синода. *Григорианцы* – отщепенцы тихоновского (староцерковного) блока, начавшие свою автономную церковную деятельность в виде органа управления ВВЦС под эгидой архиепископа Григория (Яцковско-

го) и других видных архиереев после смерти в 1925 г. патриарха Тихона (Беламина), а также противопоставившие себя митрополиту Сергию (Страгородскому). Для томских (сибирских) григорианцев характерно использование имени архиепископа Димитрия (Беликова), названий «Томск» и «Сибирь». Для московских григорианцев (борисовщины) – имени епископа Бориса (Рукина). *Сергиевцы* – церковный блок с названием «Московская патриархия», начавший развиваться в лоне тихоновского (староцерковного) блока во главе с заместителем местоблюстителя патриаршего престола митрополитом Сергием (Страгородским) после публикации в 1925 г. завещания митрополита Петра (Полянского), как оппозиция и антиномия григорианскому блоку, в том числе автокефальным направлениям. Благодаря политико-церковной деятельности духовного лидера сергиевцев современники стали именовать их новообновленцами.

Спорными остались вопросы, касающиеся, во-первых, названия «староцерковники», используемого историками для обозначения как всей тихоновской церкви с множеством ветвей, так и автономного отщепенства – григорианского раскола, во-вторых, наименования «патриаршая церковь», одновременно применяемого учеными как синоним тихоновской (староцерковной) церкви или Русской православной церкви в целом, так и отдельного блока – Московской патриархии (сергиевцев), в-третьих, отсутствия единого мнения об отнесении григорианцев к левым или правым расколам тихоновской церкви.

Весь спектр оформившихся концептов стал достоянием большинства зарубежных, общероссийских, региональных историков советской и постсоветской эпохи, занимающихся исследованиями внутрицерковных проблем 1920–1930-х гг. Вместе с тем в науке сохраняется терминологическая неопределенность по ряду позиций, что создает проблемы в исследовании григорианского раскола как на общероссийском, так и региональном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Борьба против религии – борьба за социализм / Краевой совет союза воинствующих безбожников. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930.
2. Снычев И., митрополит. Церковные расколы в Русской церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, викирианский и другие, их особенности и история. 2-е изд., доп. Сортавала : Изд-во Сортавальской книжной типографии, 1993.
3. Ушаков В.М. Православие и XX век. Критика модернизма и фальсификации в идеологии современной Русской Православной Церкви. Алма-Ата : Казахстан, 1968.
4. Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1970.
5. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М. : Политиздат, 1991.
6. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви 1917–1997 гг. М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.
7. Хрусталева М.Ю. Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918–1930-х годах (на материалах Новгородской епархии) : дис. ... канд. ист. наук. Архангельск : Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2004.
8. Котт В. Обновленчество. Некоторые новые документы и оценки // Живое предание : материалы междунар. богослов. конф. М. : Изд-во Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы, 1999. С. 143–157.
9. Расова Н.В. Советское государство – против священнослужителей и верующих Православной церкви // Коренные народы Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем : материалы междунар. науч. конф. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский гос. ун-т, 2006. С. 148–157.
10. Васильева О.Ю. Роль Советского государства и Вселенской патриархии как участников обновленческого раскола 1922–1923 гг. // Живое предание : материалы междунар. богослов. конф. М. : Изд-во Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы, 1999. С. 143–157, 117–134.
11. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и Советская власть в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54.
12. Эйнгорн И.Д. Очерки истории и религии атеизма в Сибири (1917–1937 гг.) / ред. Л.И. Боженко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982.
13. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь: испытания XX века // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 42–55.
14. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М. : Республика, 1995.
15. Замойки Я.Е. Русская Православная Церковь. 1928–1938. По материалам польских заграничных служб // Новая и Новейшая история. 1998. № 1. С. 46–63.

16. Фирсов С. Уроки русского церковного обновления. К 80-летию обновленческого раскола // НГ Религии. 2002. № 2 (97).
17. Михалев И. Церковь в прошлом и теперь. Казань: Татар. книж. изд-во, 1962.
18. Бубнов П., протоиерей. Вопрос о титуле Московского Патриарха и наименовании Русской Церкви в 1917–1943 гг. // Труды Минской Духовной Академии. 2003. № 7.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 июня 2017 г.

THE ESSENCE OF GRIGORIAN SCHISM IN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH OF THE 2ND QUARTER OF THE 20TH CENTURY IN THE 1930S–2010S HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM: ASPECTS OF TERMINOLOGY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 68–72.

DOI: 10.17223/15617793/422/10

Anna V. Ananina, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anasam83@mail.ru

Keywords: historiography; Russian Orthodox Church; inner-church struggles; Tikhon's church; Grigorian schism.

The author analyzes Russian and foreign historiography of the 1930s–2010s that concerns the history of the Russian Orthodox Church and the schisms of the 2nd quarter of the 20th century. Three groups of terminological problems are determined. They are related to the introduction of names of church groups as scientific terms, the grading of church currents as political parties, such as the left and the right, and pointing out their features and characteristics according to their composition and administrative management. Special attention is given to those differential features that allow to identify Orthodox currents: synonyms, names of hierarchs who led these formations, church administrative bodies, social composition as regards their political orientation towards the Soviet state, territorial situation and political activity. With the help of differential features, the author introduces the principle of division of the church body into two opposing camps: renovationists and Tikhonovtsy. The latter is further divided into three autonomous branches: Grigorievtsy (Grigorians), Sergievtsy (Sergians, neo-renovationists, Moscow Patriarchate) and various sorts of autocephalists. The author also formulates definitions for each of the denominations, including Grigorians that are defined as apostates from Tikhon's group. They began their own church activity as a governing body of the Temporary Higher Church Council under the aegis of Yekaterinburg archbishop Grigoriy (Yatskovskiy) and other distinguished hierarchs after the death of Patriarch Tikhon (Belavin) in 1925. This group functioned in opposition to the deputy of the Patriarch, metropolitan Sergiy (Stragorodskiy). For the members of Grigorian schism in Tomsk, the usage of the name of archbishop Dimitriy (Belikov) and the proper names Tomsk, Siberia was typical. The followers of Grigorianism (Borisovchina) in Moscow used the name of bishop Boris (Rukin). The issues of such names of group membership as “old church” and “Patriarch's church” are still up for debate, as is the issue of defining Grigorians as either left- or right-wing schisms of Tikhon's church. As a result, there continues to exist a terminological ambiguity that poses additional problems in the study of the Grigorian schism both nation-wide and at a regional level.

REFERENCES

1. Dolotov, A. (1930) *Tserkov' i sektantstvo v Sibiri. Bor'ba protiv religii – bor'ba za sotsializm* [Church and sectarianism in Siberia. The struggle against religion is the struggle for socialism]. Novosibirsk: Sibkrazizdat.
2. Snychev, I. (1993) *Tserkovnye raskoly v Russkoy tserkvi 20-kh i 30-kh godov XX stoletiya – grigorianский, yaroslavskiy, iosifyanskiy, viktorskiy i drugie, ikh osobennosti i istoriya* [Church schisms in the Russian Church of the 1920s and 1930s: Grigorian, Yaroslavl, Iosifian, Victorian and others, their features and history]. 2nd ed. Sortavala: Izd-vo Sortaval'skoy knizhnoy tipografii.
3. Ushakov, V.M. (1968) *Pravoslaviye i XX vek. Kritika modernizma i fal'sifikatsii v ideologii sovremennoy Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Orthodoxy and the twentieth century. Criticism of modernism and falsification in the ideology of the modern Russian Orthodox Church]. Alma-Ata: Kazakhstan.
4. Shishkin, A.A. (1970) *Sushchnost' i kriticheskaya otsenka “obnovlencheskogo” raskola Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [The essence and critical assessment of the “renovationist” split of the Russian Orthodox Church]. Kazan: Kazan State University.
5. Alekseev, V.A. (1991) *Illyuzii i dogmy* [Illusions and dogmas]. Moscow: Politizdat.
6. Tsypin, V. (1997) *Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi 1917–1997 gg.* [History of the Russian Orthodox Church, 1917–1997]. Moscow: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrja.
7. Khrustalev, M.Yu. (2004) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v tsentre i na periferii v 1918–1930-kh godakh (na materialakh Novgorodskoy eparkhii)* [The Russian Orthodox Church in the center and on the periphery in 1918–1930s (on the materials of the Novgorod diocese)]. History Cand. Diss. Arkhangelsk.
8. Kott, V. (1999) [Renewal. Some new documents and assessments]. *Zhivoe predanie* [A live legend]. Proceedings of the international theological conference. Moscow: Izd-vo Svyato-Filaretovskoy moskovskoy vysshey pravoslavno-khristianskoy shkoly. pp. 143–157. (In Russian).
9. Rasova, N.V. (2006) [Soviet state against clergymen and believers of the Orthodox Church]. *Korennyye narody Sayano-Altaya: v proshlom, nastoyashchem i budushchem* [Indigenous peoples of the Sayano-Altai: in the past, present and future]. Proceedings of the international conference. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 148–157. (In Russian).
10. Vasil'eva, O.Yu. (1999) [The role of the Soviet state and the Ecumenical Patriarchate as participants in the renewal split of 1922–1923]. *Zhivoe predanie* [A live legend]. Proceedings of the international theological conference. Moscow: Izd-vo Svyato-Filaretovskoy moskovskoy vysshey pravoslavno-khristianskoy shkoly. pp. 143–157, 117–134. (In Russian).
11. Vasil'eva, O.Yu. (1993) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Sovetskaya vlast' v 1917–1927 godakh* [Russian Orthodox Church and Soviet Power in 1917–1927]. *Voprosy istorii*. 8. pp. 40–54.
12. Eyngorn, I.D. (1982) *Ocherki istorii i religii ateizma v Sibiri (1917–1937 gg.)* [Essays on the history and religion of atheism in Siberia (1917–1937)]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Pospelovskiy, D.V. (1993) *Russkaya pravoslavnaya tserkov': ispytaniya XX veka* [Russian Orthodox Church: trials of the twentieth century]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 42–55.
14. Pospelovskiy, D.V. (1995) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the twentieth century]. Moscow: Respublika.
15. Zamoyski, Ya.E. (1998) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'. 1928–1938. Po materialam pol'skikh zagranichnykh sluzhb* [Russian Orthodox Church. 1928–1938. On the materials of Polish foreign services]. *Novaya i Noveyshaya istoriya*. 1. pp. 46–63.
16. Firsov, S. (2002) *Uroki russkogo tserkovnogo obnoveniya. K 80-letiyu obnovlencheskogo raskola* [Lessons of Russian church renewal. On the 80th anniversary of the renewal split]. *NG Religii*. 2 (97).
17. Mikhalev, I. (1962) *Tserkov' v proshlom i teper'* [Church in the past and now]. Kazan: Tatar. knizh. izd-vo.
18. Bubnov, P. (2003) *Vopros o titule Moskovskogo Patriarkha i naimenovanii Russkoy Tserkvi v 1917–1943 gg.* [The question of the title of the Moscow Patriarch and the name of the Russian Church in 1917–1943]. *Trudy Minskoj Dухovnoy Akademii*. 7.

Received: 27 June 2017